

Мистика совершенного спасения

часть вторая

Евгений Жуков

Евгений Жуков

Мистика совершенного спасения. Часть 2.

<https://litres.ru/74685797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть «Мистики совершенного спасения» продолжает первую книгу. Если первая говорила о том, что спасение совершено, то вторая — о том, как с этим жить. Пятнадцать веков у богословия благодати не было своей практики. Оно либо молчало о том, что происходит с человеком наедине с Богом, либо отсылало к мистике восхождения, построенной на противоположной посылке. Эта книга заполняет пробел. Её главная особенность — подробный рассказ о том, как устроен и как живёт ветхий человек: как он ведёт счёт, торгуется, проверяет себя по плодам и превращает благодать в задание. Внутренний мир человека показан как сеть, где каждый узел, от тяжёлой страсти до мимолётной привычной мысли, отзывается во всём остальном. А главный из узлов — страх смерти, незаметно правящий всей жизнью. Книга названа не программой, а картой: увидеть, как работает эта машина, значит перестать принимать её за себя.

Содержание

Введение	6
Часть I. Вера	14
Глава 1. Вера	14
1.1. Единственный признак	14
1.2. Откуда вера	15
1.3. Во что вера	19
1.4. Почему ни на чём другом	21
1.5. Что такое вера, если говорить обычным языком	24
1.6. Оговорка, без которой всё сказанное ложно	28
1.7. Камень	31
Глава 2. Спасение	33
2.1. Одна вера, разное понимание	33
2.2. Учитель и дорога	35
2.3. Совершилось	38
2.4. Что делает Бог	40
2.5. Что из этого следует для жизни	44
2.6. Верен Призывающий	47
Глава 3. Как устроен человек	48
3.1. Зачем анатомия	48
3.2. Шесть слов	50
3.3. Те же слова у апостола	54

3.4. Как это работает вместе	55
3.5. Что видно, а что нет	57
3.6. Двоецентрие	59
3.7. Тот, кто отпускает	60
Глава 4. Синергия	63
4.1. Повестка	63
4.2. Теория, которая не работает	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Евгений Жуков

Мистика совершенного

спасения. Часть 2.

Евгений Жуков

Мистика

совершенного спасения

Часть 2

Введение

Эта книга написана из одного убеждения, и оно простое: спасение совершено. Не начато, не предложено, не поставлено в зависимость от того, как я проведу ближайшие сорок лет, — совершено, в чужом теле, на чужом кресте, и подписано воскресением. Всё остальное, о чём здесь пойдёт речь, — мышление, психика, привычки ума, медитация, — лежит ниже этого факта и не касается его. Психика не орган спасения. Она место, где спасению мешают: где услышанное однажды Слово перевирается на ходу, где «уже» читается как «пока не», где обещание успевает превратиться в условие прежде, чем дошло до сердца. Работать с ней можно и нужно. Но работать с ней — значит чинить приёмник, а не добывать сигнал. Сигнал идёт с одной громкостью всегда.

Стоит присмотреться к тому, как именно происходит перевирание, потому что от этого зависит, что мы будем делать дальше. Человек слышит: «оправданы даром» — и через долю секунды уже думает о том, достаточно ли он верит, чтобы это относилось к нему. Слышит: «нет ныне никакого осуждения» — и немедленно начинает проверять, находится ли он во Христе так, как надо. Слышит: «Христос стал для нас освящением» — и берёт себе задачу освящаться. Ни одна из этих мыслей не выбирается. Они приходят сами, тем же путём, каким приходит страх при резком звуке: машина обуче-

на так работать, и она работает быстрее, чем человек успева-
ет заметить. Обучена она одному — быть собранной вокруг
«сам». Сам решу, сам справлюсь, сам виноват, сам исправлю.
Эта сборка старше любого богословия, она не знает разницы
между Пелагием и Августином и одинаково перерабатывает
в задание всё, что ей попадает: закон в задание, Евангелие в
задание, тишину в задание, благодать в задание. Пока сбор-
ка стоит, читать Писание — значит подавать ей новый мате-
риал.

Отсюда следует вещь, которая многим покажется стран-
ной в книге о практике: девять десятых работы — это мыш-
ление, и лишь одна десятая — то, что можно назвать упраж-
нением. Не потому, что упражнение неважно, а потому, что
оно ничего не делает, пока мышление собрано по-старому:
любую тишину персонаж запишет себе в актив, любое уте-
шение примет за расписку, любой сбой — за приговор. Сна-
чала должна быть понята схема. Понятая схема ещё не сня-
та — понимание не переставляет веса, — но она перестаёт
быть невидимой, и это уже половина дела. Вторую половину
делает не человек.

Здесь надо честно назвать проблему, ради которой книга
написана, потому что она серьёзнее, чем принято думать.

Богословие благодати — то, которое говорит, что человек
спасается целиком и только Богом, а собственный его вклад
равен нулю или меньше нуля, — существует по меньшей ме-
ре с пятого века. За это время оно выработало доктрину, по-

лемику, исповедания, катехизисы, тома проповедей. Оно не выработало практики. Нет ни одной последовательной, проработанной системы того, как живёт, думает и молится человек, который в это верит, — что он делает утром, куда दे-
вает внимание, как обращается с грехом, который никуда не ушёл, что происходит, когда он садится один в комнате и за-
крывает глаза. На все эти вопросы монергизм либо молчит, либо отсылает к практике, выросшей на противоположной посылке, либо говорит: проповедь и таинства, и хватит. Пят-
надцать веков богословия кафедры без комнаты, в которой человек сидит один.

Причина известна, и она одна. Каждый раз, когда кто-
нибудь пытался сказать всё до конца, он слышал одно и то же: значит, делать ничего не надо. А затем усиленную фор-
му: значит, можно оставаться в грехе, чтобы благодать умно-
жилась; значит, нет места покаянию, сокрушению, борьбе; значит, вы проповедуете распущенность под видом благоче-
стия. Обвинение это старше всех, кому оно предъявлялось. Его слышал апостол — «как некоторые злословят нас и го-
ворят, будто мы так учим» — и, что важно, ответил на него не смягчением, не оговоркой, не «но, разумеется, и чело-
век должен...». Он ответил: никак. Ни на йоту не сдвинув
сказанного. Отсюда правило, которым я буду пользоваться в
этой книге как лакмусом: проповедь, не вызывающая этого обвинения, — не апостольская. Если то, что вы говорите о
благодати, ни у кого не вызвало желания спросить «так что

же, грешить теперь можно?» — вы сказали не то.

Но одно дело — не отступить под обвинением, и другое — ответить на него системой. Систему никто не строил, и, кажется, из страха, который стоит уважать: любая описанная практика немедленно становится новым способом стяжания, любой порядок — новой лестницей, любая тишина — новым достижением. Страх обоснованный. Только цена его оказалась высокой: тем, кто в благодать поверил, некуда было пойти со своей психикой. Их сердце, их тревога, их привычки, их ночные мысли остались без карты. И они пошли туда, где карты были.

Карты были двух видов, и обе вели не туда.

Первая — богословие без практики, и это почти вся наша традиция. Августин, у которого учение о благодати доведено до края, оставил практику монастырской, а монастырь жил по другой посылке: подвиг, ступени, восхождение. Лютер написал «Простой способ молиться» — двадцать страниц для цирюльника, — и на этом внутренняя жизнь как предмет у него кончилась. Кальвин дал закону третье употребление, и реформатский мир получил взамен практики — норму; пуритане, люди огромной внутренней честности, превратили эту норму в практический силлогизм: ищи в себе признаки избрания, — и тем самым сделали интроспекцию методом, а тревогу — добродетелью. Дальше — проповедь как единственная разрешённая практика, и, наконец, в двадцатом веке принципиальное недоверие ко всякому внутреннему опы-

ту как таковому, где сама мысль сесть и помолчать уже подозрительна. Всё это — большое богословие. Комнаты в нём нет.

Вторая карта — практика, но по устройству нехристианская. Она идёт от Дионисия через Экхарта, Таулера, «Облако неведения» — и дальше без разрыва в двадцатый век: Мертон, Китинг с центрирующей молитвой, Мейн, Абхишиктананда, Гриффитс. Метод один при всём разнообразии языка: отслоить от себя всё, что можно назвать, — мысли, образы, чувства, само «я», — и войти в мрак, где нечего назвать, а потом назвать этот мрак Богом, потому что больше некому. Практика эта работает, и в этом её опасность: она действительно приводит туда, куда обещает. Только там нет никого. Там ровный, безграничный, безличный свет, одинаковый у христианина, у буддиста и у человека без всякой веры, и вопрос лишь в том, какую подпись поставить под ним. Эта линия ставит подпись «Бог». Мертон в конце жизни договорил до конца: ум Будды и ум Христов — одно. Он не ошибся в опыте. Он ошибся в подписи.

Между двумя картами стоит третья, и она заслуживает отдельного слова, потому что это единственная в христианстве полная система, где антропология и практика связаны и проработаны до мелочей: исихазм. Я посвятил ему пять томов и здесь не буду повторяться — скажу лишь, что система эта синергистская насквозь, от первой ступени до последней, и потому со всей своей проработанностью работает с обрат-

ным знаком: чем лучше она исполняется, тем прочнее человек собран вокруг собственного подвига. Кто хочет подробностей — там они есть. Здесь достаточно того, что и эта карта не для нас.

Главная особенность этой книги в том, что она показывает, как устроен ветхий человек: как он работает, чем живёт, каким образом существует в верующем, которого Бог уже оправдал. Богословие много веков говорит о ветхом человеке: он распят, он отложен, его надо умерщвлять. Но оно почти ничего не говорит о его устройстве. В проповеди он остался фигурой речи, врагом без лица, а враг без лица побеждает всегда, потому что его принимают за себя. Здесь он описан в подробностях. Описана не его вина: она снята. Не его судьба: она решена на кресте. Описана его механика. Как он собран вокруг «сам», как ведёт счёт и торгуется, как переписывает любую весть в задание быстрее, чем человек успевает её услышать. Как он надевает одежды благочестия и выдаёт себя за смирение, ревность, покаяние, мистический опыт. Я показываю его не затем, чтобы с ним бороться: борьба — его любимое занятие, на ней он и держится. Я показываю его затем, чтобы читатель перестал узнавать в нём себя. Кто однажды увидел, как работает эта машина, уже не может до конца ей верить, и это начало свободы, которую дал не он. Ветхий человек живёт, пока его не видно. А увиденный, он остаётся тем, чем объявлен по приговору: мёртвым, который ещё двигается.

Что в книге.

Антропология, изложенная на обычном языке — без тех слов, которыми обычно говорят о душе и духе и которые за два тысячелетия стёрлись до неразличимости. Мне важно, чтобы читатель понял, как он устроен и как действует, прежде чем услышит, что с этим делать; и чтобы понял это словами, которые не тянут за собой ни одну из старых схем.

Препятствия. Это самая большая часть книги, и она построена на убеждении, что описанное препятствие уже наполовину снято. Здесь нет упражнений. Здесь названы по именам механизмы, которыми человек, собранный вокруг «сам», перерабатывает благодать в задание: как он ведёт счёт, как торгуется, как проверяет себя на плоды, как принимает тишину за встречу и утешение за расписку. Часть этих механизмов лучше всего описана в психологии, и я пользуюсь её картой там, где она точна, — и говорю, где она перестаёт быть точной.

Практика — как описание, не как наставление. Я расскажу, что происходит, когда человек, который всё предыдущее понял, садится один. Всё это занимает меньше места, чем принято, и это правильно.

Предостережения. Техника безопасности для тех, чья психика разгоняется быстро и успокаивается медленно; список того, чего им нельзя; описание феноменов, которые будут возникать и которые следует называть погодой; и единственный критерий, который остаётся, когда все осталь-

ные сняты.

Чего в книге нет. Нет программы. Нет обещания результата. Нет ни одного места, где было бы сказано: сделайте так — и будет. Я знаю, что это разочарует, и не собираюсь смягчать: любая книга такого рода — вторичная причина, и не более. Бог предопределяет не только исход, но и средства, и книга может оказаться одним из них; если Он ею воспользуется, она ускорит разворот в ком-то, если нет — останется текстом. Темп этого разворота не в руках автора и не в руках читателя. Поэтому и упрёк «книга не сработала» здесь не имеет адресата: она и не должна была работать сама.

О том, как её читать.

Не как курс — как карту. И одно правило на всю книгу, простое, как вся она. Где бы вы ни заметили, что ведёте счёт — понял ли я, продвинулся ли, стало ли тише, лучше ли, чем вчера, — вернитесь на страницу назад. Счёт и есть то, о чём эта книга. Не читатель ловит его; он ловит читателя, и делает это быстрее, чем можно успеть заметить. Единственное, что можно успеть, — увидеть, что он уже здесь, назвать и не поверить. Всё остальное сделано.

Часть I. Вера

Глава 1. Вера

1.1. Единственный признак

Если из этой книги нужно вынести одну мысль, то вот она: вера — единственный признак того, что в человеке действует Дух Божий. Не покой, не слёзы, не тишина, не тепло в груди, не изменившийся характер, не оставленный грех, не любовь к людям, не желание молиться, не ясность, не свет. Всё это бывает, всё это может быть от Него — и ничто из этого не признак, потому что всё это бывает и без Него. Признак только один. И на нём одном можно стоять, а на всём остальном — нет.

Это утверждение выглядит бедным. Человек, который двадцать лет искал состояний, слышит его как отнятие: у него было столько всего, а ему оставляют одно слово. Но бедность эта — того же рода, что бедность точки опоры. Точка опоры не должна быть богатой. Она должна не двигаться. Всё, что богато, — переживания, плоды, изменения, — движется, и движется в обе стороны; на нём можно стоять, пока оно есть, а когда его нет, оказывается, что стоять было нигде.

В этой главе я хочу показать три вещи. Откуда вера — и почему из её происхождения следует, что она признак. Во что вера — и почему её предмет не может быть ни больше, ни меньше того, что он есть. И что такое вера, если описывать её не богословским, а обычным языком, языком того, как человек устроен, — с одной оговоркой, которую я сделаю в самом конце и которая важнее всей главы.

1.2. Откуда вера

Писание говорит о происхождении веры удивительно единообразно, и удивительно, как редко это замечают.

«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8–9). Спор о том, к чему относится «сие» — к спасению или к вере, — идёт столько же, сколько существует это письмо, и он бесплоден, потому что в греческом «сие» стоит в среднем роде и относится ко всему сказанному целиком: и спасение, и благодать, и вера — вот это всё, не от вас. Апостол не выделяет веру как единственную вещь, которую человек добавил от себя. Он специально закрывает эту дверь: не от дел, чтобы никто не хвалился, — а верой, вычтенной из дара, хвалиться было бы легче всего.

«Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29). Дано веровать. Не предложено, не позволено — дано, тем же глаголом и в том

же ряду, что страдание, которого никто себе не выбирает.

«Слыша это, язычники радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предоставлены к вечной жизни» (Деян. 13:48). Порядок здесь не «уверовали и потому были предоставлены», а обратный, и Лука пишет так спокойно, как пишут о вещи, которую не нужно доказывать.

«И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце её внимать тому, что говорил Павел» (Деян. 16:14). Здесь всё, что нужно. Она чтит Бога — то есть религиозна. Она слушала — то есть внимательна. И этого было недостаточно: сердце отверз Господь. Между слушанием и вниманием стоит действие, которое совершает не она.

«Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12:3). Не «как следует назвать», не «от сердца назвать», — просто назвать, и никто, и не может. Апостол пишет это людям, которые как раз называли, и объясняет им, откуда у них это.

«Никто не может придти ко Мне, если не привлечёт его Отец, пославший Меня» (Ин. 6:44). И через двадцать стихов, когда многие отходят: «для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца» (6:65). А в начале той же главы, на вопрос «что нам делать, чтобы творить дела Божии», — ответ, который стоит перечитать медленно: «вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (6:29). Дело Божие. Не дело человека,

удное Богу, а дело, которое делает Бог, — и оно состоит в том, что вы веруете.

«Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:17). Пётр только что сказал, Кто перед ним. Он произнёс это своим голосом, из своей головы, своим языком — и слышит: это открыл не ты. Плоть и кровь — это и есть голова, язык и всё остальное; они работали, и через них пришло; но пришло не от них.

«Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса» (Евр. 12:2). Начальник — тот, кто начал; совершитель — тот, кто доведёт до конца. От начала до конца вера в чужих руках, и это сказано не как упрёк, а как утешение людям, которые устали.

«Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рождён» (1 Ин. 5:1). Здесь важна грамматика, которую перевод скрывает: «рождён» стоит в перфекте — уже был рождён, прежде, чем стал верующим. Вера не причина рождения. Вера — то, по чему рождение видно. Она признак, а не условие, и это возвращает нас к началу главы.

«Господи! умножь в нас веру» (Лк. 17:5) — просьба, а не решение. «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24) — крик человека, у которого веры не хватает и который знает, у Кого просить недостающее; и ему дают, не спрашивая, сколько у него было. «Не во всех вера» (2 Фес. 3:2) — сказано без объяснений, как о факте, за которым не стоит

ничья заслуга.

И самое глубокое место — не о вере прямо, а о том, где вера живёт. «Сердце чистое сотвори во мне, Боже» (Пс. 50:12). Не очисти — сотвори, тем же глаголом, что в первой строке Бытия. «Создавший сердца всех их» (Пс. 32:15). «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное» (Иез. 36:26). «И дам им сердце, чтобы знать Меня» (Иер. 24:7). Сердце — то, чем верят; и сердце, по Писанию, творится, даётся, заменяется, обрезается — и всякий раз не тем, чьё оно. Человек не выбирает, чем ему верить. Ему дают, чем.

Из всего этого следует одно, и это одно я и хотел показать. Если вера от Бога — от начала до конца, включая орган, которым верят, — то она единственное в человеке, что нельзя произвести. Всё остальное можно. Покой производится дыханием и позой; тишина — техникой; тепло в груди — сосредоточением; слёзы — воспоминанием; изменение характера — годами упражнений; отказ от греха — никотиновым пластырем, страхом или усталостью. Ничто из этого не отличает Божье действие от природного, потому что всё это природа умеет сама и делает одинаково у верующих и неверующих. Вера — не умеет. Человек не может поверить в то, во что не верит, никаким усилием; он может только притвориться, и притворство он от веры отличает без труда. Поэтому вера — признак: она единственное, что нельзя подделать изнутри.

1.3. Во что вера

Теперь — во что. Здесь легко уйти в длинные списки, и вся христианская догматика в некотором смысле такой список: во что именно мы верим, по пунктам. Но апостол, когда его спрашивают о минимуме, о том, что необходимо и достаточно, отвечает одной фразой.

«Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься» (Рим. 10:9). И дальше, ещё короче, воспроизводя то, что сам принял: «Христос умер за грехи наши, по Писанию, и погребён был, и воскрес в третий день, по Писанию» (1 Кор. 15:3–4). Вот предмет. Иисус — Господь; Бог воскресил Его. Всё остальное, что христианин знает и исповедует, либо разворачивает это, либо следует из этого, но не добавляет к этому ничего такого, без чего человек не спасён.

Обратим внимание, каков этот предмет. Он вне человека. Ни одно слово в нём не относится ко мне: не «я прощён», не «я избран», не «я возрождён», не «я во Христе». Всё это правда, и всё это следует, — но верят не в это. Верят в то, что произошло с Ним. Это принципиально, и вот почему. Всё, что относится ко мне, колеблется вместе со мной: сегодня я чувствую себя прощённым, завтра нет; сегодня мне кажется, что я во Христе, завтра — что я самозванец. Если предмет

веры — моё состояние, вера колеблется вместе с состоянием, и человек обречён на вечную проверку. Если предмет веры — событие, которое произошло две тысячи лет назад с другим человеком в другом месте, то моё состояние не имеет к нему никакого отношения. Он воскрес — или не воскрес; и мое утреннее настроение не влияет на ответ. Первое, неизменное, надёжное: первое — потому что с этого начинается всё; неизменное — потому что событие нельзя отменить; надёжное — потому что оно не во мне.

Здесь я должен сказать о том, что называют минимумом веры, потому что вокруг этого много путаницы. Слова «если устами будешь исповедовать и сердцем веровать, то спасёшься» — не низшая планка, за которой начинаются планки повыше. Это единственная планка. Веры «больше» по содержанию не бывает: нельзя верить в воскресение сильнее, чем верить, что оно было. Бывает вера более или менее свободная от искажений, о которых пойдёт речь дальше в книге, — более или менее чистая от примесей, которыми человек её глушит; но её предмет не растёт и не убывает, и человек, который верит, что Иисус воскрес, верит ровно в то же, во что верил Павел. Разбойник на кресте не успел ничего, кроме этого. И то — только первой половины. Ему было сказано «ныне же». Не «когда дорастёшь».

Отсюда и второе, что нужно сказать о предмете: он не включает мою веру. Вера в веру — самая распространённая подмена, и она выглядит благочестиво. Человек начина-

ет следить за тем, верит ли он, — достаточно ли, искренне ли, всем ли сердцем, — и, следя, перестаёт смотреть на предмет. Он смотрит на себя смотрящего. Это то же самое, что, глядя на здание, проверять, хорошо ли видишь: пока проверяешь, здания не видишь. Апостол ни разу не говорит «верьте в свою веру». Он говорит: Христос воскрес. И тому, кто отвечает «верую, помоги моему неверию», — то есть признаётся, что веры не хватает, — Господь не отвечает «сначала доберись до нужного уровня». Он исцеляет мальчика. Неверие, которое просит помощи, и есть вера в том виде, в каком она бывает у людей.

Это и означает — не искать ничего другого и ни на чём никогда не успокаиваться. Не искать другого признака, потому что других нет. И не успокаиваться ни на чём, кроме предмета веры, — ни на покое, ни на плодах, ни на переживании близости, ни на том, что стало тише, ни на самой вере как на своём достоянии, — потому что всё, на чём человек успокаивается, немедленно становится тем, что он проверяет, а то, что проверяют, перестаёт быть опорой. Опора — Он, воскресший. Вера — не опора; вера — то, что на этой опоре стоит.

1.4. Почему ни на чём другом

Стоит остановиться на этом подробнее, потому что именно здесь ломается большинство искренних людей — не на

догматике, а на том, что они ищут не то.

Есть три вещи, на которых обыкновенно успокаиваются, и все три — не признак. Первая — состояние: покой, тишина, тепло, свет, чувство присутствия. Всё это человек может вызвать сам: любая традиция, где практикуют внимание, вызывает это надёжно, по расписанию, у людей любой веры и без веры. Состояние — свойство машины, а не свидетельство о Том, Кто снаружи. Оно бывает и при Нём, и без Него, и само по себе не различает. Кто на нём успокоился, тот теперь хранит состояние, и хранение делает его тревожным: состояние можно потерять, и он его теряет — от усталости, от болезни, от ссоры, — и вместе с состоянием, как ему кажется, теряет Бога. Он не Бога потерял. Он потерял то, что принял за Него.

Вторая — плоды: изменившийся нрав, оставленный грех, любовь, терпение. Они бывают, и апостол о них говорит. Но он ни разу не предлагает по ним удостоверяться. Он говорит «по плодам узнаете их» — о лжепророках, о других, снаружи; и о себе — «я и сам не сужу о себе... судия же мне Господь». Плоды видны другим и видны назад; тому, кто их носит, в момент они не видны, а если он их видит, он уже не туда смотрит. И, кроме того, плод — следствие; следствие нельзя сделать критерием, если инструмент, который его измеряет, — та же самая машина, собранная вокруг «сам». Она любой плод занесёт на счёт, и это будет уже не плод, а расписка.

Третья — сама вера как переживание: чувство, что верю;

уверенность; отсутствие сомнений. Об этом сказано выше и будет сказано ещё: кто проверяет, верит ли он, тот перестаёт верить и начинает следить. Тут есть тонкость, которую важно назвать. Сомнение — не то же, что отсутствие чувства уверенности. Апостол Иоанн пишет вещь жёсткую: «не верующий Богу представляет Его лживым» (1 Ин. 5:10). Сомнение в том, что Бог сделал то, что сказал, — это не слабость, а обвинение: ты называешь Его лжецом. Но заметьте, о чём сомнение: о Нём, не обо мне. «Не чувствую, что верю» — это о себе, и это данные, погода; «не верю, что Он воскрес» — это о Нём, и это единственное, что действительно ставит под вопрос всё. Человек, который путает эти два, будет каяться в погоде и не заметит, как хладнокровно назвал Бога лжецом в другом месте — там, где решил, что ему-то нужно ещё что-то, кроме сказанного.

И, наконец, о том, что вера «не теряется». Это выражение пугает, потому что его слышат как «всегда чувствуется», а чувствуется она не всегда, и человек, который её не чувствует, решает, что потерял. Но означает оно другое. Христос говорит Петру перед ночью, в которую тот отречётся: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк. 22:32). Не «чтобы ты не отрёкся» — отречётся; а чтобы вера не оскудела. И она не оскудела: он вышел и горько заплакал, а плачут о том, кого любят. Вера в ту ночь не чувствовалась и не исповедовалась — она отрицалась вслух, трижды, с клятвой. И не была потеряна, потому что держал её не Пётр. Зов ещё

адресован. Пока человек в темноте спрашивает «верю ли я ещё», — он спрашивает Кого-то, и это и есть ответ.

1.5. Что такое вера, если говорить обычным языком

Теперь попробуем сказать о том же на языке, которым описывают, как человек вообще устроен. Здесь есть риск, и я назову его в конце; но без этого языка разговор о вере остаётся в области слов, которых никто не проверяет.

Начнём с того, чем вера не является.

Вера не чувство. Чувство уверенности — вещь реальная, но это состояние, а состояния приходят и уходят по своим законам: от сна, от погоды, от новостей, от того, что человек ел вчера. Тот, кто отождествляет веру с чувством уверенности, обречён терять веру каждый раз, когда не выспался. Писание не знает такого отождествления: «верую, помоги неверию» — это как раз слова человека, у которого чувства уверенности нет, а вера есть. Она есть в том, что он обращается.

Вера не решение. Нельзя решить поверить, что за окном идёт дождь, если за окном солнце. Можно решить говорить, что идёт дождь; можно решить вести себя, как будто идёт; но сама убеждённость решением не производится, и всякий, кто пытался «просто поверить», знает, что из этого выходит: напряжение, а не вера. Убеждение о том, как обстоят дела, не в ведении воли. Воля идёт за ним, а не впереди.

Вера не усилие. Усилие — это работа персонажа, того, кто говорит «я сам»; и чем больше усилия, тем больше «я сам» в результате, а вера, которая на девять десятых состоит из «я сам», перестаёт смотреть на предмет и смотрит на себя.

Что же она такое, если не чувство, не решение и не усилие? Она — согласие. Согласие всего человека с тем, что нечто есть так, как сказано, — и, поскольку сказанное относится ко мне как обещание, согласие переходит в доверие тому, кто сказал. Разум признаёт: это истинно. Сердце — то, что я называю далее центром тяжести, — принимает: это истинно обо мне. И весь человек поворачивается, потому что то, что признано истинным обо мне, меняет вес всего остального. Апостол говорит «сердцем веруют», и в его языке сердце — не чувство против разума, а то место, где мысль, воля и чувство ещё не разделены: суждение целого человека.

Как такое согласие возникает? Здесь психология говорит вещи довольно точные, и они совпадают с тем, что говорит апостол. Убеждения о реальности не выбираются и не производятся усилием; они формируются. Формируются они из опыта, из свидетельства, из повторения — и оседают в человеке как то, чего он ждёт от мира, ещё до того, как он об этом подумал. Психологи называют это по-разному — схемой, установкой, внутренней моделью, прогнозом; суть одна: у человека есть невидимые ему предположения о том, как устроен мир и что его в нём ждёт, и всё, что он воспринимает, проходит через них. Дитя, которого брали на руки, когда

оно плакало, вырастает с прогнозом «на зов ответят». Дитя, которого не брали, — с прогнозом «звать бесполезно». Ни один из них этот прогноз не выбирал, и ни один не может его отменить решением. Но оба будут через него слышать всё, что им скажут.

Вера, говорит апостол, от слышания. Это значит, что она приходит тем же путём, что любое убеждение о реальности, — через свидетельство, — но с одной особенностью: то, что свидетельствуется, невидимо, и потому свидетельство — единственный путь. Кто-то сказал; я услышал; сказанное коснулось того места, где формируются прогнозы, — и там сформировалось новое. Не «я решил ему верить», а «я обнаружил, что верю». Вера, психологически, — это когда свидетельство стало прогнозом. Когда «Христос воскрес» из сведения о прошлом превратилось в то, чего я жду от будущего и через что слышу настоящее.

Отсюда понятно и то, почему вера может быть глубже или мельче при неизменном предмете. Прогноз, сформированный свидетельством, живёт в человеке не один. Рядом с ним живут старые: «на зов не ответят», «надо заслужить», «в конце спросят, что я сделал». И каждый раз, когда приходят данные — страх, чувство вины, сознание, что я не изменился, — вопрос в том, какой из прогнозов их истолкует. Если старый — данные означают «недостаточно, не спасён, отвергнут». Если новый — те же данные означают «да, я такой; именно за такого умер». Данные одни. Вес прогноза разный. Углуб-

ление веры — это не рост предмета и не усиление чувства, а перевес: новый прогноз постепенно начинает весить больше старых и толковать всё, что приходит. Именуют это по-разному — обновлением ума, исправлением чтения; в психологии это назвали бы изменением веса убеждения при столкновении с опытом. Люди, изучавшие мозг как машину предсказаний, говорят о «точности» прогноза — о том, насколько он устойчив к противоречащим данным. Вера, в этих терминах, — прогноз высокой точности, поставленный извне: он не отменяет данных о страхе и вине, но лишает их права на последнее слово.

И отсюда же понятно, почему в вере есть место повторению. Не заклинанию — повторение того, что услышано, против того, что переживается. Данные о том, что я не изменился, поступают каждый день; свидетельство о том, что это неважно, само по себе не повторяется — его нужно слышать снова. Так поддерживается вес. Так и работали те, кто веками читал одни и те же слова, не потому, что забывали их, а потому, что опыт каждый день говорил другое.

Осталось назвать вторую сторону веры, ту, которая делает её не просто убеждением, а доверием. Свидетельство, о котором речь, — не о факте вообще, а об обещании, обращённом ко мне; и тот, кто обещал, — не текст, а Лицо. Психология знает, что такое доверие лицу: это то, что она называет надёжной привязанностью. Ребёнок, у которого есть надёжная фигура, не проверяет её присутствие каждую мину-

ту; он играет, отвернувшись, потому что знает, что она здесь. Тревожно привязанный не может отвернуться: ему нужно всё время убеждаться, и всякое убеждение помогает недолго. Если перенести это на веру, получится картина, которую апостол нарисовал раньше психологов: «вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче». Дух рабства — это тревожная привязанность к Богу: нужно всё время подтверждать, заслуживать, проверять, достаточно ли. Дух усыновления — надёжная: можно отвернуться и играть. Вера в этом смысле не вера в то, что всё будет хорошо. Вера — в то, что меня держат, и держат не за мои заслуги, и не выпустят, когда я оступлюсь. Кто это знает, тот и не смотрит всё время назад, проверяя, здесь ли Он. Он занят чем-то другим — например, ближним.

Так что вера, описанная обычным языком, — это согласие целого человека с услышанным свидетельством о событии вне меня, которое стало прогнозом, через который я вижу всё, и доверием Тому, Кто это событие совершил и мне о нём сказал. Не чувство, не решение, не усилие. Скорее — поворот, который обнаруживаешь уже совершившимся.

1.6. Оговорка, без которой всё сказанное ложно

Теперь оговорка. Если после предыдущего раздела чита-

телю показалось, что я всё объяснил, что вера разобрана на механизмы, что тайна и чудо из неё ушли, — это неправильно, и неправильно не по благочестивым соображениям, а по существу.

Психология говорит, как. Она не говорит, откуда. Это не её недостаток; это граница её предмета, и она сама эту границу знает. Когда учёный показывает, каким образом убеждение формируется из свидетельства и как прогноз меняет вес при столкновении с опытом, он описывает дорогу. Он не отвечает на вопрос, кто по ней идёт и кто её проложил. Когда нейробиолог показывает, что один человек по устройству мозга склонен доверять, а другой нет, что у первого есть биологические предпосылки к тому, чтобы услышать, а у второго нет, — он говорит правду. И эта правда наша, христианская, потому что Писание говорит то же самое, только называет Автора: «создавший сердца всех их». Бог творит сердце. Он творит и то сердце, которое склонно поверить, и то, которое нет; и «дам им сердце, чтобы знать Меня» — это не о том, что Бог обходит биологию, а о том, что биология и есть Его рука. Открытие, что вера имеет предпосылки в устройстве человека, не отнимает у неё ничего. Оно лишь описывает, из какого материала Он её делает. Не плоть и кровь открыли Петру, — но открылось через плоть и кровь, и другого пути у откровения к человеку нет.

Здесь стоит сказать вещь более общую, потому что она снимает страх, который знаком многим верующим, читав-

шим психологию: страх, что если разобраться, как устроено сознание, окажется, что вера — продукт механизмов, и всё. Страх этот основан на скрытом предположении, что Бог действует там, где механизмов нет, — в зазорах, в необъяснимом, — и, стало быть, каждое объяснение отвоёвывает у Него территорию. Предположение это не библейское. По Писанию, источник любого движения — Бог: Он «держит всё словом силы Своей», в Нём «мы живём и движемся и существуем», без Него не упадёт воробей и не выпадет волос. Нет ни одного атома, который двигался бы сам. Значит, объяснённое движение — не менее Божье, чем необъяснённое; объяснение описывает, каким образом Он это делает, и только. Письмо, написанное отцом, состоит из чернил, легших на бумагу по законам физики; можно описать каждую молекулу и всё же не ответить на вопрос, кто написал и что сказано. Два описания не соперничают. Одно про чернила, другое про отца.

Поэтому чем точнее описан механизм веры, тем яснее, что она не моя. Механизм — это как раз то, чего я не делал: я не выбирал устройство своего мозга, не формировал свои прогнозы, не решал, какое свидетельство меня коснётся и в какой момент. Человек, который думает, что вера — его заслуга, обычно плохо знает психологию. Тот, кто узнал, как она устроена, обнаруживает, что от него там ничего не зависело, — и это открытие не разрушает веру, а возвращает её на место: Божий дар, не от вас, чтобы никто не хвалил-

ся. Наука о вере — комментарий к Ефесеянам, написанный людьми, которые не собирались его писать.

И ещё одно. Предсказать веру можно; исчерпать нельзя. Можно показать маршруты, по которым люди обыкновенно приходят к ней, и предпосылки, при которых это вероятнее. Нельзя объяснить из маршрута само событие: почему этот человек в этот день услышал то, что слышал сто раз. Обращение — не участок дороги; оно случается на дороге, но не производится ею. Учёный честный это знает и в этом месте молчит. Верующий в этом месте говорит: Ты. Оба правы, и они не спорят.

1.7. Камень

Итак, цель этой главы была одна: показать, что вера — единственный признак действия Духа и единственное, на чём можно стоять, — и почему.

Потому что она от Бога, от начала до конца, и потому её нельзя произвести, а всё остальное — можно. Потому что её предмет — событие вне меня, которое не колеблется вместе со мной, и потому она надёжнее любого состояния. И потому что она, как её ни описывай — богословски или обычным языком, — оказывается не чувством, не решением и не усилием, а поворотом, который человек обнаруживает уже совершившимся, и удержанием, которое совершается не им.

Но вера — не камень. Камень — Он. «Никто не может по-

ложить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос». Вера — то, что на камне стоит, и она стоит не своей твёрдостью, а его. Если человек, прочитав эту главу, начнёт проверять, крепка ли его вера, — он опять смотрит на себя смотрящего, и глава написана зря. Смотреть надо туда, куда смотрит вера, а не на неё. Иисус — Господь. Бог воскресил Его из мёртвых. Это было, это не отменяется, и это про меня. Всё.

Когда уходит остальное — а оно уходит, покой уходит, тепло уходит, ясность уходит, плоды не видны, грех на месте, — остаётся вопрос, который человек задаёт себе в темноте: верю ли я ещё, что Он воскрес? И если ответ «да» — даже тихое, усталое, без всякого чувства «да», даже «верую, помоги неверию», — то это и есть признак. Единственный. Его не нужно ни искать, ни производить, ни измерять. Его достаточно заметить. Он означает, что рука, которая держит, не разжалась, — и разжимать её было бы не тебе.

Глава 2. Спасение

2.1. Одна вера, разное понимание

Вера, о которой шла речь в предыдущей главе, одна. Иисус — Господь, Бог воскресил Его из мёртвых; в это верил Пётр, в первую половину этого верил разбойник, в это верит человек, который вчера впервые услышал и ещё не знает слова «догмат». Но понимание того, что из этого следует, — у всех разное, и не потому, что одни умнее, а потому, что понимание — не вера. Понимание — научение, и научение происходит во времени, по мере возраста, и тем же Учителем.

Христос говорил об этом прямо: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин. 14:26). Научит — то есть будет учить, шаг за шагом, потому что «многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (16:12). Апостол Иоанн, уже старик, пишет общинам: «помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему» (1 Ин. 2:27). Апостол Павел, напротив, жалуется коринфянам, что не может говорить с ними как с духовными, а только как с младенцами, и кормит их молоком,

потому что твёрдую пищу они пока не вместят (1 Кор. 3:1–2). Оба говорят об одном: есть возраст, есть Учитель, и есть пища, соразмерная возрасту. Один и тот же Дух учит младенца молоку и взрослого — твёрдому, и не торопит ни того, ни другого.

Из этого следует вещь, которую полезно принять спокойно: догматика у людей различается, и различия эти не случайны и не безразличны. Разное понимание производит разные плоды. Человек, который верит в воскресение и при этом понимает Бога как надсмотрщика, живёт иначе, чем тот, кто верит в то же воскресение и понимает Бога как Отца; и разница эта не в спасении — оба спасены той же верой, — а в том, как проходит жизнь между верой и смертью. Догматы — не пропуск в Царство. Догматы — то, как человек живёт в Царстве, уже находясь в нём. Поэтому и говорить о них стоит без страха и без ревности: не как о том, что решает вечность, а как о том, что решает, будет ли вечная жизнь начата уже здесь или отложена до похорон.

И среди всех догматов есть один, от которого зависит больше, чем от остальных, вместе взятых. Это учение о спасении — о том, кто, кого, как и почему спасает. Здесь ошибка стоит дороже всего, потому что она касается не периферии, а центра: она меняет не то, что человек думает о Троице или о конце времён, а то, что он думает о себе перед Богом каждое утро. Спасённый верой человек с неверным пониманием спасения остаётся спасённым — и живёт в аду. Не по-

сле смерти: сейчас. Ад на земле — это когда вечная жизнь уже дана и не может быть прожита, потому что человек всё время занят тем, чтобы её заслужить. Он не радуется, потому что не знает, можно ли. Он не свободен для ближнего, потому что руки заняты собой. Он не покоится, потому что покой ему кажется недозволенным. Он молится — и молитва становится отчётом; постится — и пост становится счётом; кается — и покаяние становится сделкой. И всё это при живой вере, при настоящем Христе, при подлинном рождении свыше. Так живут многие, и многие так умирают, и потому эта глава — о спасении.

2.2. Учитель и дорога

Прежде чем изложить учение, нужно сказать одно о самом научении, иначе изложение будет понято как упрёк.

Тот, кто десятилетиями живёт в ложном понимании спасения — в вечной проверке себя, в бесплодных попытках сделать себя лучше, в страхе, что недостаточно, — не находится вне Божьего действия. Он находится в самой его середине. Учит его тот же Дух, и учит именно так: через невозможность. Апостол пишет о законе: «закон был для нас детоводителем ко Христу» (Гал. 3:24) — παιδαγωγός, раб, который водит ребёнка в школу, и ведёт не ласково. И ещё: «Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа» (Гал. 3:22). За-

ключило — как в тюрьму; дабы — с целью. И самое широкое: «Бог всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать» (Рим. 11:32). Заключение — не сбой на пути к милости. Заключение — путь к ней, и путь единственный.

Это касается не только отдельного человека — это касается всего человечества, и Писание рассказывает о нём как об одной истории. Она начинается с заповеди. Первое, что человек слышит от Бога в раю, — не обещание и не благословение, а запрет: «а от дерева познания добра и зла не ешь; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:17). И заповедь делает то, что делает всякая заповедь: она обнаруживает. Она не создаёт в человеке желания автономии — оно уже там, потому что таков разум, предоставленный себе (подробнее в книге «История и философия монархизма» том 2); она выводит его наружу, и оно становится видимым — и осуждённым. Дальше — Синай: «закон же пришёл после, и таким образом умножилось преступление» (Рим. 5:20). Не уменьшилось — умножилось, и апостол говорит это без сожаления, как о том, что и должно было произойти. «Законом познаётся грех» (3:20). «Закон производит гнев» (4:15). «Заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти» (7:10). И так до конца книги: последняя книга Писания — суд, и суд там не отклонение от евангельской темы, а её завершение. От первой заповеди в саду до последнего суда в Откровении заповедь Божия производит в человеке одно: обнаруживает ветхого человека, судит

его и умерщвляет.

Это надо сказать со всей ясностью, потому что здесь обычно смягчают. Заповедь не даётся, чтобы её исполнили и тем улучшились. Ни в раю, ни на Синае, ни в Нагорной проповеди, где она доведена до такого предела — не гневайся, не смотри с вожделением, будьте совершенны, — что всякая мысль об исполнении отпадает сама. Заповедь даётся, чтобы человек умер. Не тело — «я», собранное вокруг себя, которое думало, что справится, и которому предъявлен счёт, по которому нельзя расплатиться. Апостол называет это «умереть для закона законом» (Гал. 2:19) — то есть закон убивает, и тем самым освобождает от себя, потому что с мёртвого нечего взять.

И это делает Бог. «Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю» (Втор. 32:39). «Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит» (1 Цар. 2:6). Апостол о себе: «сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мёртвых» (2 Кор. 1:9). Для того чтобы. Приговор — с целью, и цель — надежда не на себя. Так вот: годы токсичной религиозности, годы попыток сделать себя лучше, годы страха, что недостаточно, — это человек под заповедью, это его личный Синай, и водит его там не заблуждение, а детоводитель, и ведёт туда, куда должен. Человечеству понадобилось от Адама до Христа; человеку иногда — двадцать лет. Ни то, ни другое не потрачено зря. Ветхий человек не улучшается

— он умирает, и умирает не сразу, и, пока он умирает, ему больно, и боль эта — не знак, что Бог отвернулся, а знак, что Он работает.

Поэтому то, что будет изложено ниже, излагается не против кого-то. Это не оружие. Это то, что человек слышит, когда детоводитель довёл его до двери и отпустил руку.

2.3. Совершилось

Прежде чем перечислять, что Бог делает с человеком, нужно сказать, что Он сделал без него, потому что всё остальное — следствие.

В середине истории стоит событие, которое произошло один раз и не повторяется: Бог стал человеком, прожил человеческую жизнь до конца, был убит и воскрес. Апостол настаивает на единственности с упорством, которое понятно только на фоне религий, где жертва приносится снова и снова: «Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого» (Евр. 7:27); «одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (10:14). Однажды, навсегда, совершенными — три слова, каждое из которых закрывает вопрос о добавках. Последнее слово на кресте — «совершилось» (Ин. 19:30), τετέλεσται, тот же глагол, которым помещали оплаченный счёт. Не «начато», не «сделано, насколько возможно», — оплачено.

Что именно совершилось. Сын Божий взял человеческую

природу — не некоторую, не образцовую, а ту, которая есть, «в подобии плоти греховной» (Рим. 8:3), — и в ней прошёл то, чего ни один человек в ней не проходил: послушание до конца, до смерти крестной. Праведность, которой у человечества не было, появилась в человечестве — в Нём. Суд, который висел над человечеством от первой заповеди, совершился — над Ним. И жизнь, которой у смертной плоти не было, вошла в смертную плоть — в Его воскресении. «Ибо если один умер за всех, то все умерли» (2 Кор. 5:14) — не «все могут умереть», не «всем предложено», — умерли; апостол пишет о прошедшем факте, а не о возможности. Природа одна, и то, что произошло с ней в Нём, произошло с ней.

Это и есть то, во что верят, — и то, что человек не делал. Он не участвовал в Воплощении и не присутствовал на Голгофе. Всё, что имеет значение для его вечности, случилось за две тысячи лет до его рождения, в стране, где он не бывал, и было закончено прежде, чем он мог что-нибудь к этому прибавить. «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости» (Тит. 3:5). Отсюда — покой, который апостол называет субботой: «ибо, кто вошёл в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих» (Евр. 4:10). Бог почил в седьмой день, потому что творение было закончено. Человек входит в покой, потому что закончено спасение. В обоих случаях покой — не награда за работу, а признание, что работать больше не над чем.

Всё дальнейшее — то, что Бог делает с отдельным чело-

веком, — есть приложение этого одного события к нему. Не продолжение, не доработка, не «вторая часть», которую человек и Бог доделывают вместе. Приложение: то, что сделано для всех, вменяется этому.

2.4. Что делает Бог

Учение о спасении можно изложить как ряд действий, и во всех этих действиях подлежащее одно.

Он избрал. «Он избрал нас в Нём прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей» (Еф. 1:4–5). Прежде создания мира — то есть прежде, чем было что избирать; прежде дел, прежде веры, прежде самого человека. По благоволению воли Своей — то есть причина в Нём и нигде больше. Апостол, разбирая Иакова и Исава, говорит об этом с почти нестерпимой прямоотой: «когда они ещё не родились и не сделали ничего доброго или худого, — дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего» (Рим. 9:11). Не от дел — но и не от предвиденных дел, не от предвиденной веры, не от чего-либо в человеке; от Призывающего.

Он призвал. «Кого Он предопределил, тех и призвал» (Рим. 8:30). Призвание — не приглашение, которое можно отклонить; в языке апостола это тот зов, которым Бог «называет несуществующее, как существующее» (4:17), —

тот же, что при творении. Зов, который создаёт того, кого зовёт. Лидия слушала, и Господь отверз ей сердце; она не открыла его сама и не могла бы.

Он родил. «Восхотев, родил Он нас словом истины» (Иак. 1:18). «Благословен Бог... возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мёртвых» (1 Пет. 1:3). Рождение — образ, который выбран не случайно: никто не участвует в собственном рождении, не соглашается на него, не готовится к нему и не может его ускорить. «Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1:13). Три «ни» подряд, и все три исключают хотение. Никодиму, который спрашивает, как это возможно, Христос отвечает не методом, а ветром: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа» (3:8). Рождённый знает, что родился. Он не знает, как, и не должен.

Он оправдал. «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3:24). Даром — δωρεάν, то же слово, которым сказано «возненавидели Меня напрасно», без причины; без причины во мне. И далее, слова, которые стоит выучить наизусть: «А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность» (4:5). Оправдывает нечестивого. Не исправившегося, не старающегося, не подающего надежды — нечестивого, как он есть, в момент, когда он ещё таков. Оправдание — не признание того, что человек стал

праведен; это приговор суда, объявляющий праведным того, кто не праведен, на основании праведности Другого. Праведность эта вменяется, а не вливается. Влить её — значило бы сделать её свойством того, в кого влили, так что праведным человек становится уже сам по себе. Этого нет. Нет и обратного: праведности, которая остаётся бумагой приговора и лежит вне нас. Мы облакаемся во Христа, и Он становится нашей праведностью. Одежду не вливают под кожу и не вешают рядом. Ею одевают. «Он сделался для нас праведностью» (1 Кор. 1:30). Не сделал нас праведными — сделался праведностью для нас. Святость и праведность всегда остаются Его и составом нашей природы не становятся. И всё же они принадлежат нам онтологически: мы одеты в Него. По принадлежности, не по составу.

Он усыновил. Здесь апостол берёт образ из римского права, и образ этот — самый точный из всех. Усыновлённый в Риме получал всё: имя, наследство, положение, — и не получал ничего: ни капли крови, ни одной черты лица, ни одной наследственной болезни отца. Его природа оставалась прежней. Его положение менялось целиком и навсегда. «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче!» (Рим. 8:15). Раб и сын могут делать в доме одну и ту же работу; разница не в работе, а в том, что сын не может быть уволен и не боится. Усыновление — это новая онтология без новой природы; «во Христе» — это не то, из чего человек состоит,

а то, чей он.

Он освящает. И здесь то же подлежащее. «Христос Иисус сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (1 Кор. 1:30) — освящение в одном ряду с праведностью, и оно тоже — Он. «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте... Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие» (1 Фес. 5:23–24). Сотворит — Он, тот же, кто призвал. Освящение в языке апостола — прежде всего принадлежность: святые — это те, кто отделён для Бога, и отделил их Он; он пишет коринфянам, у которых в общине блуд и распри, — «призванным святым», не «стремящимся к святости». Что происходит потом с их нравом — происходит, и происходит Им же, «ибо Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2:13); но это не условие святости, а её следствие, и следствие, темп которого Он не отдал в их руки.

Он хранит. «Начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа» (Флп. 1:6) — начавший, тот и будет совершать; на середине не передаёт. «Овцы Мои слушаются голоса Моего... и никто не похитит их из руки Моей» (Ин. 10:27–28) — никто, и овца в том числе, потому что рука не её. «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе» (Рим. 8:38–39) — и человек, который спрашивает «а я сам могу?», должен заметить, что он

— тварь, и он в списке. «Могущему же соблюсти вас от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости» (Иуд. 24) — соблюсти от падения, не «помочь вам не падать».

И Он прославит. «А кого оправдал, тех и прославил» (Рим. 8:30). Прославил — в прошедшем времени, о том, что ещё не произошло. Апостол не оговорился; он говорит с точки зрения Того, у Кого это уже сделано, и с этой точки зрения — единственной, с которой видно всё, — история человека закончена прежде, чем началась: избран, призван, оправдан, прославлен. Между этими глаголами нет ни одного, где подлежащее менялось бы.

Так выглядит спасение, если излагать его, не отводя глаз. Бог избирает, зовёт, рождает, оправдывает, усыновляет, освящает, хранит и прославляет. Человек — во всех восьми случаях в винительном падеже. Это не унижение человека. Это единственное описание, при котором он может выдохнуть.

2.5. Что из этого следует для жизни

Теперь — почему это учение стоит больше остальных.

Тот, кто это понял, свободен для радости. Не потому, что ему велено радоваться, — хотя и велено, — а потому, что для радости освободилось место: место, которое раньше занимала проверка. Радость апостола — всегда «о»: о Господе,

о том, что имена написаны на небесах, о том, что Он воскрес. Она не состояние, которое надо поддерживать, а ответ на факт, который не меняется. Человек, знающий, что избран прежде создания мира и что его прославление в прошедшем времени, может радоваться в тюрьме — апостол так и делал — не потому, что тюрьма хороша, а потому, что тюрьма не имеет отношения к делу.

Тот, кто это понял, свободен для ближнего. Это, может быть, главное следствие, и оно наименее заметно. Пока человек занят своим спасением — проверяет, дотягивает, накапливает, — его руки заняты. Он может делать добро ближнему, но делает его с оглядкой: зачтётся ли, достаточно ли, не для себя ли. Ближний получает не человека, а его усилие. Когда же спасение оказывается сделанным целиком и без него, руки освобождаются, и впервые становится возможно сделать что-то для другого просто потому, что другому это нужно. «Вера, действующая любовью» (Гал. 5:6) — не вера, которая производит любовь как доказательство, а вера, которая, не нуждаясь ни в каких доказательствах, действует наружу, потому что внутри ей больше незачем смотреть. Апостольские увещания почти все об этом — о ближнем, о ложь не говорите, о гнев не держите, о трудитесь, чтобы было из чего уделять нуждающемуся; и почти ни одно — о работе над собой. Работа над собой — занятие тех, кто ещё не знает, что с собой уже всё решено.

Тот, кто это понял, свободен от страха. «В любви нет стра-

ха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершен в любви» (1 Ин. 4:18). Страх — вернейший признак неверного понимания спасения: человек боится, что в конце спросят, достаточно ли он старался, — значит, он верит, что старание — мера. Когда мера — Христос, бояться нечего, и не потому, что человек хорош, а потому, что вопрос о нём закрыт. Страх, конечно, приходит и после этого; он — погода, плоть, машина; но он больше не имеет права на последнее слово, и человек, которому страшно, знает, что страху не верит.

И тот, кто это понял, не боится закона. Заповедь остаётся: не гневайся, не лги, люби ближнего, — и он слышит её иначе. Не как условие, при котором его примут, а как описание того, как живут принятые. Заповедь для него — уже не Синай, а дом: в доме Отца так себя ведут, и не за это в нём живут. Он нарушит её — и это будет обличено, и он согласится с обличением, и будет знать, что обличение — не выселение. Так живёт сын. Раб в том же доме при той же заповеди живёт в аду.

Всё это — не награда за правильное богословие. Это просто то, что происходит с человеком, когда детоводитель отпускает руку и он обнаруживает, что стоит перед дверью, которая открыта, и открыта не им.

2.6. Верен Призывающий

Осталось сказать одно, и это уже было сказано, но его стоит повторить в конце, потому что именно здесь читателя ждёт первый соблазн. Прочитав всё это, он может подумать: значит, надо правильно понять, — и превратить понимание в новую задачу, новую лестницу, новый счёт. Но понимание, о котором шла речь, тоже не его. Помазание учит. Дух научит всему. Человек не выбирает возраст, в котором находится, и не может перепрыгнуть через ступень; он может только быть учимым — то есть слушать, и то, что услышано, будет положено в него в свой срок, Тем, Кто кладёт.

Ему не нужно ничего делать с этой главой. Ему нужно только знать, что она есть, и что, когда придёт время, она окажется правдой не потому, что он её усвоил, а потому, что его довели до места, откуда она видна. «Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие».

Глава 3. Как устроен человек

3.1. Зачем анатомия

Врач учит анатомию не для того, чтобы исцелять. Исцеляет не анатомия; исцеляет организм, а врач в лучшем случае убирает то, что мешает организму это делать: вправляет, вычищает, снимает давление, останавливает кровь. Но, чтобы убрать мешающее, надо знать, где оно лежит и что вокруг него, иначе вместе с осколком вынут нерв. Анатомия — знание о том, чего не трогать и куда не лезть, столько же, сколько о том, где искать. Этой главе отведена такая же роль. Она не про то, как спастись, — об этом сказано, и сказано, что не нами. Она про то, как устроен тот, кому мешают, — чтобы, когда Бог захочет убрать мешающее через нас самих, мы хотя бы не мешали Ему в этом, хватаясь не за то.

Здесь сразу нужна оговорка, и она важнее самой главы. То, что описано ниже и дальше в книге, — не единственный путь и даже не лучший. Это один из многих. Кого-то Бог ведёт через скорбь, и скорбь делает с человеком всё то же самое без единой мысли об устройстве ума; кого-то — через счастливую семейную жизнь, через ребёнка, через работу, через долгую старость; кого-то — через ближнего, которого не выбирают. Разбойник на кресте не изучал психологии.

Ему было сказано «ныне же», и этого хватило, и хватит любому. Но есть души, устроенные так, что они смотрят внутрь; они делают это не потому, что решили, а потому, что не могут иначе, и для них внутреннее — не роскошь, а место, где всё происходит. Такие люди, если им не дать карты, нарисуют себе свою, и обычно она будет хуже. Я показываю ту, по которой провели меня. В ней нет ни исключительности, ни высоты. Кто прочтёт её как путь для избранных, для тонких, для продвинутых, — тот снова сделал из христианства пищу для того самого, о чём эта глава: для «сам», которому нужно быть особенным хоть в чём-нибудь, хотя бы в способе умирать.

И ещё одна оговорка, техническая. Здесь описан уровень, который человек может наблюдать в себе сам, — то, что видно изнутри при некотором внимании. Более глубокая механика — из чего складывается то, что здесь названо машиной, как возникает ощущение «я», из каких кусков собирается желание — разобрана дальше, отдельными главами, и разобрана на языке, который я собрал из двух источников: из наблюдений созерцательных традиций, знавших об устройстве ума задолго до психологии, и из самой психологии, которая последние сто лет проверяла эти наблюдения приборами. Терминов тех традиций в книге нет: они тянут за собой свою метафизику, а она нам не нужна. Нужен механизм. Механизм у всех один.

3.2. Шесть слов

Я буду пользоваться шестью словами, и все они — обычные. Они не заменяют слов Писания — о том, как соотносятся с ними, скажу отдельно, — но позволяют говорить о человеке так, чтобы каждое слово можно было проверить на себе.

Экран. Самое нижнее из того, что можно обнаружить, — то, что вообще есть опыт. Что-то видится, слышится, чувствуется; есть присутствие, в котором всё это происходит. У этого присутствия нет содержания: оно не мысль, не ощущение, не образ. У него нет границ — нельзя сказать, где оно кончается. Нет «я» — оно не знает, чьё оно. Нет времени — оно не помнит и не ждёт. Если убрать из опыта всё, что можно назвать, — а это возможно, и люди, которые сидят достаточно долго, туда приходят, — экран остаётся, и остаётся один, потому что в нём нечему отличаться от другого такого же. Он у всех одинаков не по сходству, а по неразличимости. Отсюда чувство, которое знает всякий, кто там был: что это одно на всех. Чувство верное. Подпись под ним — «и это Бог» — нет. Экран тварен, как свет в комнате: он не Тот, Кто его включил, и в нём никого нет. С ним ничего не нужно делать. Он не портится и не улучшается; он не грешит и не кается; он не участвует. Он просто то, на чём показывают.

Машина. Всё, что в человеке заведено и выучено. Темпера-

рамент, с которым родился. Память, в том числе та, которой не помнишь. Привычки — от того, как держишь ложку, до того, как реагируешь на упрёк. Эмоции, которые включаются раньше, чем понял, на что. Автоматизмы тела: сжатая челюсть, поднятые плечи, задержанное дыхание. И — главное для этой книги — петли: сигнал, влечение, действие, облегчение, — прошитые повторением так, что срабатывают целиком, как один жест. Машина работает быстрее, чем внимание успевает её заметить; почти всё, что человек делает за день, делает она, а он узнаёт об этом по факту. Это то, что мы называем «душой», когда говорим о душевной жизни, и это единственный уровень, до которого достают все практики, какие есть на свете, — от молитвы по чёткам до когнитивной терапии. Машину можно перенастроить. Это долго, это обычно, это работает у людей любой веры и без веры, и ничего духовного в этом нет. Ровно так же, как нет ничего духовного в том, чтобы выправить сломанную ногу.

Центр тяжести. У машины есть настройка, которую она сама не видит: что ей на самом деле дорого. Не что человек думает о своих ценностях — это машина умеет рассказывать; а что реально перевешивает, когда доходит до дела. Можно искренне считать, что главное — Бог, семья и правда, и обнаружить по поступкам, что главное — не выглядеть глупо. Центр тяжести не узнаётся заглядыванием внутрь: там видно то, что машина о себе говорит. Он узнаётся по тому, куда человека относит, — по тому, куда идут ноги, когда го-

лова занята другим. Это то, что Писание называет сердцем, и сердце по Писанию скрыто: его испытывает Бог, а не хозяин. И это то место, где Бог действует. Он не отменяет выбор и не подменяет мотив; Он меняет, что сладко. Человек, у которого сместился центр тяжести, не обнаруживает в себе новой силы; он обнаруживает, что прежнее перестало тянуть, а новое тянет, и не помнит, когда это случилось. Усилием центр тяжести не переставляется, потому что усилие само на него опирается: чтобы напрячься ради чего-то, это что-то должно уже весить.

Персонаж. Машина умеет рассказывать о себе, и рассказчик этот — особый узел в ней, который говорит «я». «Я решил», «я хочу», «я должен», «я не справился», «я сам». Он появляется после того, как всё уже произошло, — после того, как машина взвесила и тело двинулось, — и подписывает решение задним числом, с полной уверенностью, что подписал до. Он не лжёт; он не знает, что опоздал. Он ведёт счёт: сколько сделано, сколько нет, как выгляжу, как выглядел бы. Он сравнивает — всегда. И он настаивает на одном: что он источник. Персонаж — не часть человека, которую можно было бы вырезать; персонаж — это вся машина, когда она собрана вокруг себя и смотрит на себя. Это то, что Писание называет плотью, и потому плоть — не тело и не низшее, а именно этот способ быть собранным: «сам». Персонажа нельзя улучшить, потому что улучшенный персонаж — по-прежнему персонаж, и улучшение станет его новым

сюжетом. Можно только перестать принимать его отчёты за истину, — и то не по решению, потому что решение принимает он.

Куда смотришь. У всего человека в каждый момент есть направление. Не мысль о направлении — само направление. чего хочется, к кому тянет, куда уходит внимание, когда его никто не держит, что всплывает первым, когда просыпаешься. Это не орган и не часть; это поза целого, как наклон тела к тому, кого ждёшь. Язык это знает: «упал духом», «воспрянул духом», «не в духе» — не о части человека, а о человеке целиком, взятом со стороны его поворота. Это и есть дух в том смысле, в каком слово употребляет апостол: не высшая способность, а весь человек в его обращённости. Направление не наблюдается изнутри — свой взгляд не видишь; видишь только то, на что смотришь, и по предмету узнаёшь, куда повернут. И оно не меняется оттого, что человек решил повернуться. Оно меняется оттого, что сдвинулся центр тяжести, — и человек обнаруживает себя уже смотрящим в другую сторону.

Кто. И, наконец, тот, к кому всё это относится. Здесь надо быть внимательным, потому что его ищут не там. Его нет на экране — там никого, экран не знает, чей он. Его нет в машине — там механизмы, и они ничьи, как ничья погода. Его нет в персонаже — тот рассказ, и рассказ о ком-то, а не сам кто-то. «Кто» не находится интроспекцией вообще, и это не недостаток метода, а свойство предмета: он не вещь внутри.

Он существует иначе — как тот, кого зовут. Ребёнок становится «я» не оттого, что нашёл себя внутри, а оттого, что к нему обращались по имени, раньше, чем он мог понять, что такое имя; «ты» приходит раньше «я», и «я» — ответ на него. Так и здесь: ты — тот, кому сказано «ты». И держится это не изнутри — там не за что держаться, — а с той стороны, откуда зовут. Это то, что богословие называет лицом, и это единственное в человеке, что не природа. Всё остальное — природа целиком, и природа не повреждена: экран цел, машина работает, центр тяжести есть, персонаж исправно рассказывает. Не хватает не части. Не хватало Того, Кто зовёт, — и когда Он зовёт, «кто» есть, и есть при Нём.

3.3. Те же слова у апостола

Чтобы не казалось, что я подменил Писание психологией, — короткая сверка.

Апостол не режет человека на части и не строит трёхэтажных схем; он говорит о целом человеке под разным углом и под разной властью. Плоть у него — весь человек, каков он сам по себе, включая его благочестие: персонаж. Душа, там, где это слово вообще появляется, — жизнь, живое существо, то, что дышит; я беру это слово шире, для всей машины, и говорим об этом честно как о своём употреблении. Сердце — центр, где мыслят, хотят и верят, и который испытывает Бог, а не человек: центр тяжести. Дух — там, где о челове-

ческом духе, — «я» в его повороте, то, что успокаивается и не имеет покоя, что молится, когда ум бездействует, чему свидетельствует Дух Божий: куда смотришь. А «кто» — тот, кого апостол называет по имени, к кому обращается «вы», о ком говорит «вы умерли» и «ваша жизнь сокрыта», — не описывая, а адресуя. Экрана у апостола нет: он не занимался тем, что остаётся, когда всё убрано. Но есть у тех, кто на него опирался: одна природа, единая от первого до последнего человека, образ, который есть зеркало, — пустое, отражающее то, к чему повёрнуто.

Соответствие не буквальное, и я не выдаю его за экзегезу. Оно нужно, чтобы читатель, встречая в книге «машину» или «персонажа», не думал, что это другой человек, чем тот, о котором пишет апостол. Это тот же. Просто описанный так, чтобы каждое слово можно было найти в себе.

3.4. Как это работает вместе

Теперь — как эти шестеро действуют, когда происходит что-нибудь.

Событие снаружи — слово, взгляд, запах, воспоминание, которое пришло само — попадает в машину. Машина взвешивает его по центру тяжести: насколько это важно, опасно, желанно, — и взвешивает мгновенно, задолго до того, как человек «подумал». Тело действует: сжимается, тянется, отворачивается, отвечает. И тогда — только тогда — включа-

ется персонаж и сообщает: «я решил так поступить», и приводит причины, которые сочиняет на ходу, и верит им. Всё это происходит на экране, и никто из участников экрана не видит, как не видят света те, кто им освещён. А «кто» — тот, с кем всё это происходит и кого в этом не найти.

Из этой картины следует то, чего обыкновенно не понимают о переменах. Изменить человека можно двумя путями, и они не смешиваются.

Снизу — перенастройка машины. Практика, повторение, разбор искажений, привычка замечать импульс до того, как рука двинулась, — всё то, чем занимаются терапевты, тренеры и созерцательные традиции всех времён. Это чинит проводку. Это реально, это медленно, это работает. И это не переставляет центр тяжести: перенастроенная машина взвешивает точнее, но взвешивает по-прежнему, и персонаж, ставший спокойнее, — всё тот же персонаж. Всё, что можно сделать с человеком на этом уровне, — сделать его исправной машиной. Это много. Это не спасение.

Сверху — когда Тот, Кто зовёт, действует на центр тяжести. Не через усилие, потому что усилие на него опирается; через услышанное. Слово, дошедшее туда, где назначаются веса, меняет, что сладко, — и весь человек поворачивается, ещё не зная об этом, а машина потом, медленно, годами, подстраивается под новый поворот, и подстройка эта видна другим и видна назад, но не видна ему в момент. Это то, что называют благодатью, и она тоже проходит через природу —

через слух, через память, через те же нейроны, — но не из природы исходит. Первый путь — как. Второй — откуда.

Вся эта книга — о первом пути, потому что о втором нельзя написать руководства: он не в наших руках. Но о первом можно, и нужно, — по одной причине. Машина, собранная вокруг «сам», глушит услышанное. Она принимает сигнал и переводит его в задание. Перенастройка машины не производит сигнала и не заменяет его; она делает так, чтобы услышанное не перевиралось на входе. Это работа не над спасением. Это работа над помехами, и она законна ровно постольку, поскольку помнит, что она — работа над помехами, а не над приёмом гостя.

3.5. Что видно, а что нет

Анатомия полезна ещё одним: она говорит, что можно увидеть изнутри, а что нельзя, — и тем избавляет от долгих поисков в темноте.

Машину видно частично. Её выходы — движение, слово, вспышку — видно всегда, но с опозданием: она уже сработала. Её ход — импульс до движения — видно при некотором навыке внимания, и это единственное место, где навык вообще что-то даёт. Её устройство — почему именно так — не видно почти никогда; о нём догадываются по повторениям.

Персонажа видно лучше всего, потому что он и есть то, что говорит. Его речи — «я должен», «не как те», «хотя бы»,

«в следующий раз» — слышны прямо, и вся работа с ним состоит в том, чтобы слышать их как речи, а не как истину. Но и тут есть предел: персонаж, который смотрит на персонажа, — персонаж, и он немедленно сочинит рассказ о том, как хорошо он себя видит.

Центр тяжести не виден вовсе — только по выходам. Человек узнаёт, что ему дорого, по тому, что его задело, куда его отнесло, чего он не сделал, хотя собирался. Заглядывать в него бесполезно: там будет отчёт персонажа о том, что должно быть дорого. Поэтому всякая проверка себя — «люблю ли я Бога», «искренне ли верю» — проверяет не центр тяжести, а рассказ о нём, и потому никогда не успокаивает: рассказ можно переписать, и он знает, что можно.

Направление видно только по предмету. Не «куда я повёрнут», а «на что я смотрю»: что первое в голове утром, к чему возвращается внимание, когда его отпустили, о чём думается, когда думать не о чем. Это честный показатель — единственный из всех, — потому что он не спрашивает у персонажа, а смотрит, куда идут ноги. И он же единственное, что можно заметить о духе, не сочиняя.

Экран виден, только когда убрано всё остальное; и тогда виден он один. «Кто» не виден никогда, и его не надо искать: он не там, куда смотрят, а тот, кто смотрит, и держится не изнутри.

Из этого следует простое правило, которое избавляет от половины духовной тревоги: то, что нельзя увидеть, нельзя

и проверить, а то, что нельзя проверить, не может быть заданием. Сердце испытывает Бог. Лицо держит Зовущий. Человеку остаётся машина — и её достаточно.

3.6. Двоецентрие

Последнее, что нужно сказать об устройстве, — то, что на земле человек, о котором идёт речь в этой книге, собран дважды.

Старая сборка — вокруг «сам» — никуда не делась. Она приговорена и, как сказано выше, казнена, но машина, в которой она работает, живёт и работает, и потому персонаж продолжает говорить, счёт продолжает вестись, торг продолжает предлагаться. А рядом — не в другом месте, а в том же человеке — есть новый поворот: центр тяжести, сдвинутый туда, где Он; направление, которое обнаруживаешь, когда всё остальное молчит; «кто», который держится зовом. Два центра. Апостол описал это как «плоть желает противного духу, а дух — противного плоти», и описал о себе, а не о новоначальных.

Из этого следует, что колебание — не признак поломки. Человек, которого то тянет к Богу, то относит к себе, не находится на пути от одного состояния к другому; он находится там, где находятся все, в ком есть оба центра, и будет там до конца. Старая сборка не демонтируется по частям — она не растёт вниз, как не растёт вверх новая. Меняется не со-

отношение двух центров, а то, какому из них человек верит, когда они говорят. И вера эта — не его.

Практическое следствие такое: не надо ждать, что персонаж замолчит, и не надо принимать его речь за собственную. Он будет говорить до смерти. Его речи — погода; направление — климат; и климат не переменится оттого, что сегодня дождь. Кто это знает, тот не пугается дождя и не делает из ясного дня расписки. Он просто живёт с двумя центрами, зная, который держит.

3.7. Тот, кто отпускает

И здесь мы упираемся в то, что будет главной темой всех следующих глав, и что нужно назвать сразу, чтобы читатель не искал в них того, чего там нет.

Всё, что мешает, — персонаж. Не машина: машина просто машина, она честно делает то, чему научена. Не центр тяжести: он не выбирает, что ему дорого. Не экран — на нём ничего нет. Мешает «сам»: рассказчик, который присваивает, сравнивает, ведёт счёт и настаивает, что он источник. Все помехи, какие есть, — его: счёт, торг, проверка, стыд, «я должен», «я не смог», «я хотя бы». Он — то, что глушит. И потому естественная мысль каждого, кто это увидел: значит, от него надо избавиться.

Но кто будет избавляться? Тот, кто скажет «я отпускаю», — и есть тот, кого отпускают. Человек не может отпустить

себя, как рука не может разжать себя, продолжая держать: разжимающее и разжимаемое — одно. Всякий метод избавления от «сам», исполняемый самим «сам», кончается «сам», который избавился, и это самый прочный из всех его сюжетов — потому что теперь у него есть, чем оправдать своё существование: он смиренен, он отрёкся, он пуст. Отсюда все духовные карьеры, и отсюда тот особенный, тонкий, благоухающий вид гордости, которым пахнет от людей, долго занимавшихся собой. Они не лгут. Они действительно отпустили всё — кроме того, кто отпускал.

Этот тупик — не ошибка, которую можно исправить лучшей техникой. Это устройство. Персонаж не может совершить самоубийство, потому что самоубийство тоже будет его актом, его последним «я сам», и потому не убьёт его, а увенчает. Сказать ему «не старайся» — он будет стараться не стараться. Сказать «прими» — он примет, и предъявит принятие. Сказать «ты ничего не можешь» — он ответит «да» тем тоном, каким отчитываются о выполненном. Дна у этого нет. Всякая попытка выбраться — способ остаться.

Хорошая новость в том, что выбираться не требуется. Это надо сказать прямо, потому что вся эта книга рухнет, если читатель поймёт её как способ избавиться от себя. Персонажа не нужно убивать: он приговорён и казнён, две тысячи лет назад, в Другом, и приговор приведён в исполнение без нашего участия — так же, как без нашего участия он был вынесен. То, что от него осталось, — не подсудимый, а тело,

которое ещё дёргается, и дёргаться будет до конца, потому что машина, в которой он живёт, не остановится, пока живёт. С ним не нужно бороться. Его нужно видеть. Заметить, что он снова говорит, назвать — «это счёт», «это торг», «это отчёт» — и не поверить. Не изгнать, не заглушить, не победить: не поверить. Всё, что следует дальше в книге, — о том, как выглядят его речи, чтобы их можно было узнать; и ни слова о том, как заставить его замолчать, потому что заставлять будет он.

И тогда анатомия оказывается на своём месте. Она не исцеляет. Она позволяет не хвататься не за то: не чинить экран, на котором ничего не сломано; не переставлять центр тяжести усилием, которое на нём стоит; не улучшать персонажа, который от улучшения только крепнет; не искать «кто» внутри, где его нет. И она показывает, где действительно можно работать — в машине, с её проводкой, петлями и помехами, — и где работать нельзя никому, кроме Того, Кто зовёт. Знать это — уже половина покоя. Вторую половину не знают. Её дают.

Глава 4. Синергия

4.1. Повестка

Есть вещь, которую человек не понимает не потому, что она сложна, а потому, что понять её — значит перестать быть тем, кто понимает. Такие вещи не объясняют, их переживают, и переживают не по своей воле. Но говорить о них можно, и нужно, хотя бы затем, чтобы человек, с которым это произойдёт, узнал, что произошло.

Вот эта вещь. Человек объявлен преступником. Не в какой-то момент — не когда согрешил, не когда отпал, не когда сделал что-то особенно дурное; и не «до возрождения», как будто после возрождения объявление отозвано. Он объявлен преступником всегда, целиком, как таковой, и приговор — смертный. Ему принесли повестку, и в повестке не сказано «исправьтесь»; в ней сказано «умрите». Заповедь — это и есть повестка. Человек читает: не убивай, не прелюбодействуй, не желай, — и видит в этом список того, что ему следует исполнить, чтобы всё было хорошо. Но повестка — не список дел. Она сообщает, что дело уже заведено, и что исход его известен.

Апостол пишет об этом в седьмой главе к Римлянам, и пишет о себе — не о том себе, каким он был до Дамаска, а о

том, каким он остался после: «я плотян, продан под грех» — в настоящем времени, устами человека, который в этом же письме говорит, что ничто не отлучит его от любви Божией. Он не противоречит себе. Он описывает, как выглядит человек, который получил повестку и прочёл её правильно.

Первое. Закон духовен, а я плотян; и плоть — не часть меня, а весь я, каков я сам по себе, со своей совестью, своим благочестием, своим желанием святости. Всё, что я могу произвести, — плоть, включая самое возвышенное, потому что произведённое мной несёт на себе моё «сам», а «сам» — это и есть то, о чём повестка. Поэтому «продан под грех» — не про дурные поступки. Это про подданство. Я нахожусь под властью, из-под которой не могу выйти, потому что выходить буду я сам, и «сам» останется при мне.

Второе. Беда начинается не там, где человек нарушает закон, а там, где он хочет его удержать. Удержать — то есть оставить рядом с собой как программу: вот Христос, вот благодать, — и вот, рядом, закон, по которому я теперь буду жить, с Его помощью. Это «рядом» и есть ключ. Как только закон стоит рядом, всё остальное перестраивается вокруг него: благодать становится помощью в исполнении, вера — условием помощи, Христос — средством, а целью — моя праведность. Тот, кто хочет удержать закон, немедленно оказывается под ним целиком, потому что закон не соглашается быть частью; он требует всего или ничего. И человек, желавший «немножко святости с Божьей помощью», обнару-

живает себя перед требованием абсолютного совершенства, которое не может исполнить, — и тогда либо лжёт себе, что исполняет, либо приходит в отчаяние. Ни то, ни другое не жизнь.

Третье. Освящение — не процесс во мне. Освящение — Христос. Апостол говорит это буквально: Он сделался для нас освящением, в одном ряду с праведностью и искуплением; и говорит: Сам Бог мира да освятит вас, верен Призывающий, Который и сотворит сие. Освящённый — тот, кто принадлежит; не тот, кто продвинулся. Мы не работники — мы работа. Плоды, если они есть, — Его дело в нас, а не наше дело для Него; и они невидимы тому, кто их носит, — не потому, что их нет, а потому, что как только он их увидит, он их присвоит, и они перестанут быть плодами и станут расписками.

Четвёртое, самое неудобное. Аскеза — орудие греха. Не потому, что пост или бдение дурны сами по себе, а потому, что «сам» использует их, чтобы остаться в живых. Заповедь «не пожелай» — последняя из десяти — доводит дело до конца: не пожелай ничего, в том числе святости для себя, в том числе своего исправления, в том числе своей праведности. Желание быть святым — самая тонкая форма желания быть. Оно должно лежать мёртвым псом, как сказал один голландский проповедник; и, пока оно живо, всё, что человек делает, — включая молитву, — делается ради него.

Пятое. При падении человек не утратил образ Божий —

он утратил Бога. Его природа цела; в ней ничего не повреждено, что нужно было бы чинить, восстанавливать, лечить, обоживать. Она просто предоставлена себе, и, предоставленная себе, делает то, что делает разум без Бога: тянется к автономии. Человек винит образ и мечтает его «вернуть», «восстановить», «раскрыть», — и это ещё одна форма того же самого: если образ во мне повреждён, значит, во мне есть что чинить, и я буду чинить, и чинить буду я. Но чинить нечего. Не хватает не части — не хватает Бога. И Бог не возвращается в результате починки; Он приходит Сам, и только так Он мог остаться Богом. Потому что только Бог свят. Если человек хочет обрести собственную святость и встать с нею рядом с Богом, тогда Бог будет уже не один — появятся другие обладатели того, что принадлежит только Ему. Бог не делает нас другими богами: Он Сам остаётся нашей святостью.

Шестое. Благодать — только для нагих. Не для тех, кто принёс мало, а для тех, кто не принёс ничего и знает это. Человек, который хочет уйти из жизни «исправившимся», хочет принести хоть что-нибудь; и в этом «хоть что-нибудь» — весь ветхий человек, потому что он согласен умереть при условии, что перед смертью ему дадут что-то предъявить. Ему не дадут. Повестка не предусматривает смягчающих обстоятельств.

Так выглядит это учение, изложенное без полемики. Оно не говорит, что делать. Оно говорит, что делать нечего, и что это — хорошая новость, единственная хорошая новость, ко-

торая у нас есть, потому что всё, что можно было сделать, сделано, и сделано не нами. Но её никто не может принять. И следующая глава книги — о том, почему.

4.2. Теория, которая не работает

Сначала — о том, чем человек защищается на уровне мысли, потому что мысль — первая линия, и она всегда одна и та же.

Когда человеку сообщают, что он объявлен преступником всегда и целиком, он отвечает: но у меня есть свобода воли. Я мог поступить иначе. Значит, я не осуждён как таковой, — осуждены только мои дурные выборы, и они исправимы. Это ответ Пелагия, и ответ всех после него, и в нём человек не защищает философское положение — он защищает себя. Учение о свободе воли всегда рождалось в этом месте: не из наблюдений за волей, а из невозможности принять повестку.

Я не буду здесь разбирать это учение: ему посвящён отдельный том, и там оно разобрано по всем линиям — философской, нейробиологической, богословской и созерцательной. Здесь скажу коротко, что там показано, и что показано не мною одним.

Учение о свободе воли — о том, что человек в момент выбора мог, при всех тех же условиях, выбрать иначе, и что этот выбор исходит из него как из первопричины, — не удалось сформулировать непротиворечиво никому. Ни одному

философу за две с половиной тысячи лет. Стоики уже знали, что согласие идёт за впечатлением, как цилиндр катится, будучи толкнутым, — по своей форме, но не сам по себе. Августин, споря с Пелагием, показал, что воля всегда следует за тем, что её услаждает, и что услаждение она себе не назначает. Лютер в споре с Эразмом довёл это до формулы: воля — не свободна, она выучное животное, и вопрос только, кто на ней сидит. Спиноза назвал свободу воли иллюзией людей, которые сознают свои желания и не знают их причин. Юм показал, что «свобода», противопоставленная необходимости, — это случайность, а случайность ничего не вменяет. Джонатан Эдвардс в трактате, который до сих пор никто не опроверг, показал, что воля всегда определяется сильнейшим мотивом и что «воля, которая сама выбирает свои мотивы», требует другой воли, которая выбирает, чем будет выбирать первая, — и так до бесконечности. Шопенгауэр получил премию Норвежской академии за сочинение, где сказано просто: человек может делать, что хочет, но не может хотеть, что хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.